

С. А. Красильников

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКИХ «ШАРАШЕК» В НАЧАЛЕ 1930-х гг.: ПРИЧИНЫ, ИНСТИТУТЫ, ПЕРСОНЫ

doi: 10.30759/1728-9718-2023-1(78)-74-83

УДК 94(47)“1930/1934” ББК 63.3(2)614

Проблемное поле исследования такого специфического сегмента принудительного труда, как особые конструкторские, технические, проектные бюро, созданные и действовавшие под эгидой ОГПУ в первой половине 1930-х гг., нуждается в переосмыслении традиционно сложившихся подходов к его рассмотрению. Устанавливаются конкретные факторы, обусловившие возникновение сети «шарашек» как институционального проявления и результата форсированного охранительного подчинения и принудительной эксплуатации сталинским режимом интеллектуального потенциала научно-технической интеллигенции страны. Становление особых бюро воплотило в себе базовые характеристики кампании мобилизационного типа (концепт «вредительства», чрезвычайные методы осуществления, экстенсивность, ресурсозатратность, конфликтность, непреднамеренность последствий). Заключенные специалисты становились объектом, специальной учетной категорией и целевой группой для бюрократического межведомственного торга на протяжении 1930–1934 гг. между охранительным и хозяйственными ведомствами, а результаты их труда экспроприировались. Рассмотрено противоречие между полной режимной зависимостью специалистов от чекистов и обратной зависимостью последних от результатов деятельности заключенных. Сделан вывод, что сформированный гибридный институт режимного труда, внутри которого сосуществовали все типы трудовой деятельности: служебной, обязательной, мобилизационной, принудительной, — не обладал функциональной устойчивостью, перспективами и потенциалом саморазвития. Исключением стал рассмотренный случай инициированного Л. К. Рамзиным создания ОКБ № 11, реорганизованного в 1934 г. в Бюро прямоточного котлостроения и проработавшего до конца сталинской эпохи.

Ключевые слова: *режимный труд, особые бюро ОГПУ, межведомственный торг, непреднамеренные последствия, Л. К. Рамзин*

Проблематика институционального становления различных форм принудительно-го труда относится к числу наиболее остро обсуждаемых в отечественной и зарубежной исторической литературе. Высокая степень политизированности данной проблемы и травматическая социально-историческая память об образе ГУЛАГа, как правило, сводит ее восприятие и изучение к экономическим и отчасти демографическим аспектам государственного принуждения к труду. Целью статьи является рассмотрение феномена *режимного труда*, институционально воплощенного в деятельности сформированной ОГПУ в начале 1930-х гг. сети из почти двадцати особых конструкторских, технических и проектных бюро в научно-технической сфере для осуществления конкретных работ оборонного и гражданского назначения, получивших среди самих заключенных специалистов жаргонное наименование «шарашек».

О ключевых понятиях. «Шарашки» — пенитенциарные учреждения, сформированные в целях прагматической эксплуатации труда лишенных свободы специалистов для решения стратегических и практических задач форсированного наращивания экономического и оборонного потенциала страны в сталинскую эпоху. Как институционально оформленные учреждения, они обладали особыми структурно-функциональными характеристиками, объединяя в режимном формате основные типы трудовой профессиональной деятельности управленцев (служебный) и специалистов (обязательный и принудительный). *Режимный труд* содержал в себе разнообразные формы, когда «жесткие» меры контроля и надзора «режимных» специалистов сочетались с «мягкими», поощрительными мерами, включавшими материальные, финансовые, бытовые льготы и перспективы изменения статуса (освобождение), но с сохранением в последующем для них ряда надзорных ограничений. Нами применяется термин «эксплуатация труда» заключенных специалистов в отличие от общепринятого «использование»,

Красильников Сергей Александрович — д.и.н., профессор, г.н.с., Институт истории СО РАН (г. Новосибирск)
E-mail: krass49@gmail.com

заимствованного исследователями из охранительного новояза. Необходимо акцентировать внимание на качественной стороне принуждения, поскольку речь реально шла об эксплуатации интеллектуального труда специалистов, ставших на время заключения полностью зависимым от чекистов «ценным ресурсом». На это указывают такие характеристики, как увеличенная продолжительность рабочего времени заключенным в «шарашках» (10–11 часов), выплата им «единовременного пособия», в отличие от существенно более высоких зарплат наемных специалистов, распространенная практика присваивания охранительными органами результатов интеллектуального труда заключенных при отчетах «наверх» и получение чекистами наград и должностного продвижения благодаря успехам ОТБ/ОКБ.

Историографическая ситуация вокруг проблематики становления «шарашек» характеризуется фрагментарностью подходов исследователей, которые исходят из интересов и потребностей своих предметных полей. Историки пенитенциарных учреждений рассматривают ОТБ/ОКБ сталинской эпохи как специальный сегмент мест заключения, функционально предназначенный для наращивания оборонного и экономического потенциала страны и, следовательно, как необходимый и неизбежный элемент реализации проекта сталинской модернизации. Среди комплекса причин, обусловивших возникновение «шарашек», отмечаются: общий дефицит научно-технических кадров в стране в условиях решения задач форсированного экономического рывка; патронаж ОГПУ, позволявший преодолевать межведомственные бюрократические барьеры при реализации новых технологических разработок; эффективность работы арестованных специалистов, стимулировавшая возможность последующего освобождения в случае достижения поставленных задач.¹

Среди публикаций исследователей, разрабатывающих данную тематику с привлечением значительного эмпирического материала, следует выделить труды историка и архивиста О. Н. Солдатовой, созданные на основе документации фондов Российского государственного архива научно-технической документации (г. Самара), где сосредоточена

значительная часть источников, связанных с деятельностью конструкторских организаций, в том числе закрытого типа. О. Н. Солдатова отмечает значительный вклад, внесенный трудом осужденных ученых, конструкторов и инженеров в развитие экономического потенциала страны.²

Исследовательские работы зарубежных историков единичны. Статья А. Сиддики примечательна подчеркиванием того, что чекисты при организации ОКБ прагматично производили своего рода экспертный отбор тех научно-технических разработок, для которых уже имелся солидный задел. Пример — организация ОКБ № 11 «под Л. К. Рамзина», способствовавшая завершению в краткие сроки создания и промышленного испытания проточного котла на уровне мировых образцов котлостроения.³

Причины, условия становления «шарашек». Прежде всего здесь следует выйти из узко очерченной только фактором репрессивной политики причинности и взглянуть на процессы этатизации, происходившие в сфере интеллектуального труда и форм его реализации в послереволюционный период. Так, если в начале XX в. доля лиц свободных профессий и работавших по частному найму среди интеллигенции достигала почти 20 %, то, согласно переписи 1926 г., она уменьшилась вдвое, а затем только стремительно сокращалась в соответствии с тенденцией тотальной этатизации труда как такового в СССР. Тем самым интеллектуальный труд из вольнонаемного трансформировался в труд обязательный, создавая возможности для его эксплуатации уже и в крайних, принудительных организационных формах (соединение мобилизационных и охранительных технологий в различных сочетаниях).

Концентрация арестованных и осужденных за «вредительство» специалистов различных областей началась с «Шахтинского дела», то есть с первой половины 1928 г. «Вредители» осуждались на различные сроки лишения свободы, для них действовал строгий режим их содержания, но не «использования». Переломным моментом стало директивное решение

¹ См.: Нуриев Р. Т. Появление первых особых конструкторских бюро в пенитенциарной системе Советского Союза // Казанский вестник молодых ученых. 2019. Т. 3, № 2 (10). С. 99–107.

² См.: Солдатова О. Н. Изобретатели в ГУЛАГе. Исторический очерк. Самара, 2004; Она же. Изобретатели и изобретательская деятельность в развитии научно-технического прогресса промышленности советского государства (1917–1956 гг.). Самара, 2013. С. 365–379.

³ См.: Siddiqi A. Scientists and Specialists in the Gulag: Life and Death in Stalin's Sharashka // The Soviet Gulag. Evidence, Interpretation and Comparison. Pittsburg, 2016. P. 87–113.

летом 1929 г. о создании сети подведомственных ОГПУ лагерей «особого назначения» для освоения природных ресурсов (нефть, уголь и др.). С этого времени руководство ОГПУ начинает проводить осознанную линию на применение интеллектуального труда осужденных специалистов для нужд создаваемой системы ГУЛАГа. Особенно отчетливо это проявляется в отношении геологов, нефтяников, горняков, либо находившихся под следствием, либо уже осужденных. В частности, первая группа специалистов была «откомандирована» в Ухто-Печорский лагерный комплекс для применения их профессионального труда уже в конце 1929 г. Тогда же первую группу горняков-«шахтинцев» отправили в угольные регионы страны, за исключением Донбасса.⁴

Вполне естественным становилось намерение чекистов в интересах своего ведомства «придержать» передачу осужденных специалистов хозяйственным организациям, коль скоро открывались перспективы расширить свое участие в обеспечении развития режимных, оборонных производств. Органы ОГПУ получили под свой контроль значительный человеческий научно-технический потенциал, резко возросший в связи с арестами по «делу «Промпартии»». Технологии применения данного «ресурса» уже существовали. С конца 1929 г. в Бутырской тюрьме началась работа Конструкторского бюро из заключенных авиастроителей под руководством Д. П. Григоровича. Тогда же на базе бывшего Ольгинского завода в Москве развернула свою работу в области военной химии группа под руководством арестованного известного химика, член-корреспондента АН СССР Е. И. Шпитальского. Аналогичное бюро создавалось в сфере геологии для обеспечения развертывания деятельности Ухто-Печорского комплекса.⁵

Институциональное становление. Отметим, что первые сформированные ОГПУ структуры из заключенных с участием в их работе «вольнораемных» специалистов до 1931 г. действовали прежде всего в сфере оборонной тематики, что позволяло охранительному ведомству получать и отстаивать свои особые полномочия на создание и деятельность последних.

Ситуация резко изменилась к 1931 г., поскольку «вредителями» оказывались специалисты практически во всех отраслях произ-

водства — от машиностроения и энергетики до лесной промышленности и ирригации, где подведомственных ОГПУ арестованных и осужденных интеллигентов чекисты объединяли в особые бюро самого разнообразного профиля по характеру их профессиональной деятельности. В апреле–мае 1931 г. Коллегия ОГПУ производит массовую передачу осужденных и даже еще подследственных специалистов в распоряжение ЭКУ ОГПУ, которое форсированным путем формирует из них новые спецучреждения. За короткий срок летом 1931 г. их число выросло до не менее чем двадцати, если иметь в виду все виды бюро (ОКБ, ЦКБ, ОКТБ, АТТБ и др.) и их дислокацию не только в Москве и Ленинграде, но и на Украине и т. д.

Ниже приведем неполный перечень на конец 1931 — начало 1932 г. тех из них, которые на данный момент удалось установить по имеющимся в литературе и архивных документах сведениям. ОКТБ № 1 в Ленинграде и ОКБ № 4 в подчинении ГПУ Украины имели теплотехнический профиль, являясь конкурентами «рамзинского» ОКБ № 11 в сфере котлостроения. ОКБ № 3 занималось проектированием и строительством первого советского блюминга на Ижорском заводе. ОКБ № 4 в Москве имело химический профиль, в том числе связанный с военно-химическим производством. ОКБ № 8 имело профиль проектирования новых типов компрессоров, газогенераторных установок и работало на базе московского завода «Компрессор». ОКБ № 10 имело военно-химический профиль и дислоцировалось на заводе «Красный Богатырь», разрабатывая различные типы противогазов. ОКБ № 12 имело электротехнический профиль, располагалось на территории Московской городской электростанции (МО ГЭС). ОПКБ № 14 имело профиль обслуживания угледобывающей промышленности Кузбасса, располагалось в Новосибирске. Несколько выбивалось из принятой выше нумерации авто-танко-тракторное бюро (АТТБ), в котором заключенные ученые, инженеры и техники конструировали и создавали опытные образцы различных двигателей оборонного и гражданского назначения.

Режим содержания, условия работы, повседневность «шарашек». Для того, чтобы рационально организовать работу осужденных, сохранив надзор над ними, 5 июня 1931 г. ЭКУ ОГПУ выпустило циркуляр «О порядке использования заключенных специалистов на работах и об агентурном обслуживании заключенных

⁴ См.: Репрессированные геологи. М.; СПб., 1999.

⁵ См.: Солдатова О. Н. Изобретатели и изобретательская деятельность. С. 366–375.

и высланных специалистов». В преамбуле указывалось, что у чекистов уже есть опыт такого рода, позволивший добиться «ряда больших технических достижений», в частности в области самолето- и моторостроения, металлургии (блуминг) и др. Далее рекомендовалось взять за организационную основу принцип образования особых технических бюро с возможностью создания внутри них тематических групп под руководством назначаемых чекистами лиц из числа заключенных, которые в административном отношении подчинялись чекистам (разделение функций технического и управленческого порядков). ОТБ «размещаются в изолированном помещении с сохранением тюремного режима». Сферы деятельности бюро трактовались широко: «опытное строительство и сооружение всевозможных объектов промышленной и оборонной техники (машин, моторов, котлов, станков и т. п.)». В условиях работы на промышленных предприятиях тюремный режим и изоляция от гражданского персонала сохранялись, в случае работы в цехах — только под охраной. Специфический характер носило стимулирование труда осужденных специалистов: «Систематическая оплата работ заключенных специалистов в виде жалования категорически воспрещается. Отдельные денежные пособия возможны в порядке единовременных выдач за проведенную работу, представляющую особый интерес». Все расходы, связанные с работой заключенных, их охраной и обслуживанием, возлагались на предприятия и учреждения, в интересах которых осуществлялась деятельность ОТБ.⁶

Представление о режиме содержания и работы заключенных специалистов в одном из ОКБ на начальной стадии его создания дают письма родным энергетика Б. Э. Стюнкеля, на момент ареста в Харькове в конце октября 1930 г. технического директора треста «Донэнерго». С февраля 1931 г. он содержался в ОКБ энергетического профиля, находившегося в ведение ЭКУ ОГПУ Украины с расположением в 10-м корпусе харьковской тюрьмы (начальником бюро являлся чекист, старший уполномоченный ОГПУ И. Я. Казбек). Передачи разрешались один раз в неделю, по воскресеньям, свидания с родственниками раз в две недели. По просьбе Стюнкеля ему из его домашней библиотеки были переданы изда-

ния технического профиля. Из письма 7 февраля 1931 г.: «Я здоров — работаю по проектам электрических установок».⁷ Из письма 21 февраля 1931 г.: «Наш день проходит сейчас так: встаем в 6 1/2 утра. В 8 час. утра пьем чай и закусьваем. В 11 час. завтракаем. В 3 1/2 час. дня обедаем и в 8 1/2 час. вечера пьем чай. Ложимся спать в 11 час. вечера. Все остальное время до 10 час. вечера уходит на работу».⁸ Из письма 27 февраля: «Много работаю и в своей области. Дела будет все больше. Как мы работаем? Сообща в большом зале. Сейчас нас около 40–50 человек. Много химиков, мы им помогаем по энергохозяйству. Проектируем новые заводы. Живу в комнате, где нас 13 человек. Среди нас в каждой камере избран староста, который заботится о нас в разных бытовых вопросах и с которым сносится администрация корпуса».⁹ Из письма 18 марта: «Я попал в руководители группы, у которой много проектной работы. Нам обещают установить месячную выплату».¹⁰ Из письма 27 марта: «Вчера я получил 150 руб. — 50 руб. за переданные в библиотеку книги, а 100 руб. за работу».¹¹ Из письма 10 июня: «Я 2 раза выходил в город, ездил с другими 5 товарищами в трамвае на заседание в Госпром, где мы защищали свой проект — результат трехмесячной работы. Было чудно как-то очутиться на улице после 7-месячного периода изоляции...»¹² Стюнкель был досрочно освобожден осенью 1931 г. с продолжением работы по специальности в «Донэнерго». Перед вторым арестом в августе 1937 г. он работал главным инженером там же. Расстрелян.

По доступным нам источникам представляется возможным восстановить некоторые важные элементы, характеризовавшие режим содержания и повседневность заключенных специалистов в «рамзинском» ОКБ №11 в первый год его деятельности. Коллектив Бюро состоял из заключенных, число которых с весны 1931 г. до конца года увеличилось с шести до двенадцати, вольнонаемных инженеров (их число выросло с шести до восьми человек) и пяти калькировщиков. Для работы заключенных в Теплотехническом институте, а затем и на производстве выделялась охрана из

⁷ РГАЭ. Ф. 332. Оп. 1. Д. 94. Л. 20–21об.

⁸ Там же. Л. 39.

⁹ Там же. Л. 42.

¹⁰ Там же. Л. 47об.

¹¹ Там же. Л. 48.

¹² Там же. Л. 63–64.

⁶ См.: История сталинского ГУЛАГА. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: собр. документов в 7 т. М., 2004. Т. 2. С. 89, 90.

двенадцати человек.¹³ Начиная с лета 1931 г. заключенным выдавалось ежемесячное пособие по 200 руб. Заработная плата вольнонаемных специалистов составляла 300 руб. в месяц, хотя очевидно, что вклад заключенных теплотехников в работу ОКБ оказывался неизмеримо более значимым.¹⁴ Продолжительность рабочего времени, в отличие от такового у вольнонаемных работников, составляла у них 11 часов, что еще более подчеркивало несоразмерность вклада и оплаты труда тех и других. Что касается Рамзина, то ему раньше других, еще 19 мая, дали возможность получения ежемесячных пособий для поддержки своей семьи. Важное значение для заключенных имела регулярность передач от родственников и свиданий с ними. Как правило, свидания происходили в воскресенье, считавшееся днем отдыха. Подъем начинался в 7 утра, работа осуществлялась с 8 утра до 22 часов, внутри рабочее время определялось промежутками с 8 до 12, с 14 до 17 и с 18 до 22 часов. Сон уставивался с 23 часов.¹⁵

Существовали различные стимулы для улучшения результативности работы заключенных в «шарашках». К ним, в частности, относилась практика смягчения приговоров по части репрессий в отношении членов их семей, подлежавших после арестов специалистов высылке из Москвы. Так, начальник ЭКУ Миронов 17 сентября 1931 г. ходатайствовал о пересмотре приговора в отношении высылки семей работавших в ОКБ № 11 Н. Н. Ревокатова и М. Н. Прасолова, которые «как работники оказались вполне добросовестными и исполнительными», на это Г. Г. Ягода дал положительную резолюцию.¹⁶

Применяли чекисты и другие стимулы для успешной профессиональной деятельности «вредителей». Один из самых молодых заключенных, сотрудник Теплотехнического института 30-летний профессор МЭИ, осужденный за участие в так называемой боевой группе «Промпартии», Н. А. Доллежалъ после тюрьмы был «прикреплен» к ОКБ № 8. Работа бюро началась с конца апреля 1931 г., о чем свидетельствовал рапорт начальника ЭКУ Прокофьева Ягоде о разрешении «переброски из Бутырского изолятора осужденных для дальнейшей работы по газогенератору при заводе

“Компрессор” в ОКБ № 8 группы заключенных в количестве 33 чел.»¹⁷ После досрочного освобождения из-под стражи 20 января 1932 г. Доллежалъ стал сотрудником Технического отдела ЭКУ ОГПУ и получил должность помощника главного механика ОКБ № 8, начальником которого являлся сотрудник ОГПУ И. М. Бершадский. В июне 1932 г. Доллежалъ уже в должности заместителя главного инженера выезжал в командировку для проектирования теплового оборудования в Бобрики (Московская обл., строительство химического комбината, одного из крупнейших в отрасли). В первой половине 1933 г. он выезжал дважды в двухнедельные командировки на Ижорский завод в целях «проектирования пресса для гнутья труб». К ряду льгот относилось получение им отпуска на полтора месяца в дом отдыха в Сочи летом 1932 г. Ранее, в марте 1932 г., он обращался в Техотдел ЭКУ с просьбой о восстановлении его в правах члена жилищного кооператива с предоставлением ему квартиры, так как после его ареста семья была исключена из кооператива и выселена. Начальник ЭКУ Миронов поддержал данное ходатайство Доллежала.¹⁸

Похожая ситуация сложилась с профессором-химиком, преподавателем ряда московских вузов А. А. Надежиным, арестованным в октябре 1930 г., осужденным на 10 лет Коллегией ОГПУ в апреле 1931 г., а затем «закрепленным» за ОКБ № 4 химического профиля. В мае 1932 г. он был условно-досрочно освобожден из-под стражи, но с продолжением работы в ОКБ. После ареста его квартира оказалась опечатана. В то же время с июля 1932 г. по ходатайству дирекции МХТИ ОГПУ разрешило ему занять должность заведующего кафедрой термодинамики. В августе 1932 г. Надежин возбудил поддержанное ЭКУ ходатайство о возвращении ему жилья, которое в ноябре 1932 г. он получил обратно.¹⁹

Повседневность режимного труда в «шарашках» имела две стороны — материально-бытовую и профессиональную. Низведенные карательной системой до дна и лишившиеся разом нажитого имущественного положения и достаточно высокого социального статуса, специалисты оказывались в полной зависимости от решений чекистами бытовых вопросов их самих и членов семей. Однако в профессиональном плане ситуация зависимости одних

¹³ См.: РГАЭ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 2. Л. 120.

¹⁴ См.: Там же. Л. 85, 110.

¹⁵ См.: Там же. Л. 119.

¹⁶ ЦА ФСБ РФ. Ф. Р-42280. Т. 4. Л. 678.

¹⁷ Там же. Т. 7. Л. 35.

¹⁸ См.: ЦА ФСБ РФ. Ф. Р-42280. Т. 4. Л. 695, 729; Т. 7. Л. 2–12.

¹⁹ См.: Там же. Т. 7. Л. 271.

от других оказывалась противоположной: здесь именно осужденные, а затем и освобожденные от наказания, но «прикрепленные» к своим ОКБ еще на различные сроки «вредители», а не чекисты определяли своей деятельностью успешность или неудачи тех или иных научно-технических разработок.

«Шарашка» Рамзина (ОКБ № 11). Условия формирования и деятельности ОКБ № 11, номинально руководимого чекистами, но фактически созданного по инициативе и благодаря настойчивости Л. К. Рамзина, требует особого рассмотрения как в силу проявления в этом деле личности самого ученого, так и в качестве примера своего рода уникальности существования самой организации. ОКБ № 11 пережило трансформацию в августе 1934 г. и сменило ведомственную принадлежность, перейдя в Наркомат тяжелой промышленности в виде Бюро прямого котлостроения (БПК), просуществовав вплоть до окончания сталинской эпохи.

Обстоятельства создания ОКБ № 11 весной 1931 г. были обусловлены прежде всего общей направленностью интересов руководства ОГПУ, в первую очередь его Экономического управления, вступившего в межведомственную борьбу с ВСНХ за дальнейшее применение труда как осужденных, так и арестованных и находившихся еще под следствием научно-технических специалистов по «делу “Промпартии”». Вплоть до апреля 1931 г. значительная их часть, как и Рамзин, находилась в ведении Секретно-оперативного управления ОГПУ, затем произошла их передача ЭКУ «для дальнейшего использования».

Л. К. Рамзин, с апреля 1931 г. оказавшись подведомственным ЭКУ, обратился к его руководителю Г. Е. Прокофьеву с предложением поручить ему организовать и возглавить группу по разработке проекта создания прямого котла высокого давления, идею которого он вынашивал с середины 1920-х гг., когда в котлостроении за рубежом начались работы в данном направлении. Рамзину удалось заинтересовать чекистов перспективной идеей, обосновав, что постройка прямого котла его конструкции позволит вывести котлостроение в стране на мировой уровень и даст возможность избавиться от импортной зависимости. Созданное «под Рамзина» ОКБ, которое возглавил чекист Н. И. Наумин, достаточно быстро развернуло свою деятельность, не лишённую трудностей. Для этого потребовался

перевод Л. К. Рамзина 8 апреля 1931 г. из внутренней тюрьмы ОГПУ в Бутырскую с сохранением его содержания в одиночной камере, но с разрешением ежедневной работы в так называемом рабочем домике при тюрьме. Из Бутырки он передавал свои просьбы и рекомендации по развертыванию начальных проектных работ, которые далее реализовывались сотрудниками ОКБ, где трудились как вольнонаемные инженеры, так и осужденные теплотехники (последних для работы запрашивал и отбирал лично Рамзин). Ему удалось привлечь ряд осужденных сотрудников Теплотехнического института, который он возглавлял до своего ареста. В ОКБ вошли двое его сопроцессников — В. Очкин и В. Ларичев. Рамзин выражал желание включить в состав группы и других ученых, осужденных вместе с ним, профессоров И. А. Калининкова и Н. Ф. Чарновского, однако получил отказ руководства ЭКУ (с формулировкой «не спаривать»).

На первом этапе препятствия в общении Рамзина с созданной им группой носили коммуникационный характер. Ему разрешили регулярно встречаться с членами группы с 23 августа 1931 г., то есть лишь через четыре месяца после создания ОКБ, и пока только в «рабочем домике» в Бутырке, где в присутствии чекистов он проводил технические совещания. Свои требования и заказы на размещение изготовления отдельных частей и узлов проектируемого котла Рамзин передавал чекистскому руководству, которое, используя свой вес, добивалось беспрекословного их выполнения в самые краткие сроки. Ряд заказов, помимо их размещения на советских заводах и НИИ, выполнялся за границей через торгпредства. Здесь скрывалось одно из противоречий: котел новой конструкции не мог первоначально быть изготовлен полностью на базе отечественной промышленности. Поэтому Л. К. Рамзин обосновывал в своих записках необходимость обеспечить в дальнейшем промышленное производство котлов его конструкции путем импортозамещения ряда важных материалов и технических узлов и измерительных приборов.

Благодаря его настойчивым просьбам и заверениям в неизбежном успехе проекта ему удалось добиться решения о работе группы с конца сентября 1931 г. в Теплотехническом институте, а затем и на одном из московских заводов — для опытных работ. Работать напрямую со своим коллективом чекисты разрешили

Рамзину только с этого времени, когда стали понятными издержки от такого рода дистанционного руководства автора проекта. Руководитель Техотдела ЭКУ А. Г. Горянов 6 ноября 1931 г. направил рапорт начальнику ЭКУ Л. Г. Миронову, в котором сообщал, что ОКБ № 11 досрочно закончило рабочий проект безбарabanного прямооточного котла системы Рамзина. В рапорте говорилось, что первый опытный котел уже строится и будет готов к 1 мая 1932 г.²⁰ Действительно, опытный образец котла в кратчайшие сроки был построен, смонтирован, прошел испытания и пущен на ТЭЦ Теплотехнического института 30 апреля 1932 г. Впоследствии он постоянно демонстрировался представителям различных хозяйственных ведомств и военных организаций. В промышленную эксплуатацию котел был сдан в декабре 1933 г. в числе других котлов на ТЭЦ-9 системы Мосэнерго, где действовал вплоть до 1950-х гг.

Слагаемыми успеха, состоявшего в форсированном прохождении стадий от идеи через проектирование к изготовлению первого образца в течение года, выступали несколько организационных и технических факторов, основным из которых явилось соединение потенциалов авторитарной личности Рамзина и амбиций чекистов, обладавших исключительными возможностями для воплощения его идеи. Не будучи профессионально компетентными в том, что делали Рамзин и его группа, они фактически присваивали результаты работы заключенных ученых и конструкторов: весь документооборот бюро вовне шел за подписями чекистов из ЭКУ. В частности, в своем обращении к Г. К. Орджоникидзе в феврале 1932 г. с ходатайством о даче указаний предприятиям наркомата о выполнении заказов для постройки котла «в сверхсрочном порядке» они употребляли словооборот «наш прямооточный котел» без упоминания имени Рамзина.²¹ Каждый из действующих лиц знал свою функциональную роль, но внутри самого бюро вопросы безраздельно решал Рамзин, чекист Наумин являлся лишь «рупором» ученого. Однако росли и расходы на реализацию проекта. Так, если в ноябре 1931 г. начальник бюро Наумин оценивал осуществленный цикл подготовительных работ, включая сделанные уже заказы на советских предприятиях и за грани-

цей, в 300 тыс. руб. и 20 тыс. валютой, то смета на постройку и установку котла, составленная в начале 1932 г., включала в себя десятикратно увеличенную сумму и в рублях, и в валюте. Отмеченное обстоятельство диссонировало с утверждением Рамзина, которое транслировалось чекистами наверх, о том, что «котел может немедленно строиться на советских заводах, не требуя импортных материалов». Импортными материалами и оборудованием в первом котле оказывались арматура, измерительные приборы, регуляторы давления, питательный насос для подачи воды. Отдельная смета на содержание штата ОКБ, включая содержание заключенных и охрану, составляла в конце 1931 г. не более 10 % от 300 тыс. руб., внутри же этих расходов содержание охраны превышало суммы на содержание заключенных и выдачу им пособий.²²

Авторитарность Л. К. Рамзина проявлялась и в том, что, завоевав расположение к себе со стороны руководства ЭКУ, он не только защитил от критики свой проект, но и, фактически, как эксперт, получил возможность препятствовать реализации работ других теплотехнических групп (ОКТБ № 1 в Ленинграде и ОКБ № 4 на Украине), предлагавших разработку котлов барабанного типа, альтернативных рамзинскому. Здесь, безусловно, проявлялся и интерес чекистов в том, чтобы принимать решения в пользу наиболее перспективных работ путем создания конкуренции между группами осужденных теплотехников. В борьбе за ресурсы Рамзин оказался в выигрышном положении.²³

Взаимную заинтересованность Рамзина и чекистов друг в друге определяло и то, что в межведомственной борьбе за научно-технические кадры руководство ОГПУ сделало ставку на сохранение в своем ведении тех ОКБ/ОТБ, разработки которых имели как прямое оборонное значение, так и двойное назначение/применение. И здесь Рамзин, благодаря успеху в создании прямооточного котла, мог предложить варианты адаптации котлов для нужд оборонной промышленности. Начиная с 1932 г. шел переговорный процесс о возможности конструирования котлов для их размещения на боевых судах военно-морского флота. В 1934 г. переговоры перешли в практическую плоскость. После реорганизации

²⁰ См.: РГАЭ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 2. Л. 111.

²¹ См.: Там же. Д. 3. Л. 24.

²² См.: Там же. Д. 2. Л. 122; Д. 3. Л. 38–39.

²³ См.: Там же. Д. 2. Л. 48, 65, 118.

ОКБ № 11 в Бюро прямого котлостроения (БПК) с полным переводом его в августе 1934 г. в ведение Главэнергопрома Наркомата тяжелой промышленности при сохранении чекистского руководства (БПК возглавил один из руководителей Технического отдела ЭКУ В. А. Бедняков, а Рамзин назначался главным инженером) был заключен договор с Центральным конструкторским бюро судостроения ВМФ о разработке котла для его установки на экспериментальном эсминце. Наряду с этим в 1935 г. удалось заинтересовать руководство военно-воздушных сил работами бюро и теперь уже с прямым привлечением Рамзина по адаптации конструкции прямого котла в проектировке тяжелого самолета типа «Максим Горький».²⁴

В феврале 1936 г., обращаясь с ходатайством к Г. К. Орджоникидзе с просьбой об амнистии (своей и сотрудников его группы), Рамзин отмечал: «...нами разработано 12 проектов разных прямого котлов от 22 до 140 ат. с мощностью от 1 до 300 тн/час для электростанций, морских военных судов, паровозов, аэропланов и т. п., из коих 5 специальных котлов для установок оборонного назначения».²⁵ В своем рапорте об успехах Рамзин допустил преувеличение в перспективах столь широкого применения его разработок. Следует отметить, что в дальнейшем ни в военном судостроении, ни в авиастроении прямого котлы Рамзина не нашли практического применения в силу того, что не выдерживали испытаний из-за сложности конструкции и непригодности к работе в нестационарных условиях, в отличие от очень надежной работы данных котлов на электростанциях. Как отмечал ветеран энергетики И. Б. Шмуклер, работавший под началом Рамзина в БПК с 1943 г., «в довоенный период прямого котлы Рамзина широкого распространения не получили. В известной мере это определялось, как и во многих других случаях, трудностями внедрения новых технических решений. Были и объективные причины, к числу которых в первую очередь относятся высокие требования к качеству питательной воды и более сложный, сравнительно с барабанными котлами, процесс регулирования параметров пара».²⁶

История рамзинской «шарашки», прошедшей через ряд трансформаций предвоенного и последующего времени уже в формате БПК, просуществовавшей до своего слияния в 1952 г. с более крупной структурой, неразрывно связана с чертами личности ее создателя, Рамзина. Это был руководитель авторитарного типа, испытывавший на себе всю мощь потенциала сталинской системы с ее векторами созидания и разрушения созданного. Талант Рамзина как лидера состоял в максимальном использовании возможностей и ресурсов советской системы, при этом он не останавливался перед любыми способами сохранения своей собственной жизни, а затем теми же приемами и в защите своего проекта.

«Шарашки», обязанные своим возникновением и существованием ОГПУ, воспринимались последним как ценный ресурс, повышавший место и значимость охранительных структур в иерархии органов власти. В то же время необходимо критически оценивать описываемые в чекистской документации успехи, достигнутые в работах ОТБ/ОКБ при создании в «кратчайшие сроки» новых образцов машин, оборудования, новых технологий. Но если создание новых образцов в опытном варианте могло быть осуществлено в действительно короткие сроки, то последующие стадии требовали более длительного времени. Так было с первым отечественным блюмингом, изготовленным в течение 1931 г. на Ижорском заводе — его установка и ввод в действие на проектную мощность затянулись на Макеевском заводе до 1933 г. включительно. То же происходило и с разработкой чертежей и технических решений в ОТБ для советских локомотивов новых типов в 1931 г. до их серийного производства на заводах страны в 1933 г. Разработка и изготовление нескольких моделей первых отечественных экскаваторов начались при участии группы заключенных «промпартийцев» на Ковровском заводе в 1931 г., а серийное их производство было налажено к 1933 г. Разработка Рамзиным парового котла высокого давления прямого котлостроения, развернувшаяся с весны–лета 1931 г., впоследствии прошла почти двухлетний цикл от создания опытного образца (1932) до его промышленного внедрения (1933). Отсюда следует, что вне зависимости от значительных мобилизационных ресурсов, затраченных

²⁴ См.: Там же. Д. 4. Л. 3–12.

²⁵ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 356. Л. 150.

²⁶ Шмуклер И. Б. О становлении отечественного прямого котлостроения // Электрические станции. 2001. № 7. С. 40.

в созданных под эгидой ОГПУ ОТБ/ОКБ в самых различных отраслях, завершённый производственный цикл для нового оборудования от рабочих чертежей до промышленного изготовления составлял не менее двух лет. Кроме того, определенная часть научно-технических разработок на уровне опытных образцов, потребовавшая значительных усилий, так и осталась нереализованной. То, что оценивается в современной литературе как вклад чекистов в повышение экономического и оборонного потенциала страны в 1930-е гг., сводилось к эксплуатации чрезвычайными методами мобилизационно-охранительного характера прерванной арестами и заключением интеллектуальной деятельности отдельных личностей и групп научно-технической интеллигенции.

Формирование под эгидой ОГПУ сети специальных научно-технических и проектных бюро осуществлялось в условиях резких трансформаций всей иерархической большевистской системы в начале 1930-х гг., когда экспансия охранительного ведомства в экономическую и научно-технические сферы столкнулась и при-

шла в конфликт с интересами и потребностями руководства базовых наркоматов (ВСНХ — НКТП, НКПС, НКВМ). В межведомственном торге на властном рынке позиции ОГПУ в данной ситуации оказались ограниченными и институционально уязвимыми, о чем свидетельствовал компромисс с продлением деятельности отдельных ОКБ лишь до 1934 г. Сказывался и фактор функциональной уязвимости и рисков просчетов в определении основного профиля и перспектив создаваемых «шарашек» (зависимость от успешности выбора направления работы и неизбежность постоянной его корректировки, связанной с кадровой нестабильностью, борьбой за ресурсы с другими ведомствами и т. д.). Возникала неизбежная деформация мотивации и стимулирования работы заключенных специалистов: режимное дисциплинирование труда, сопровождавшееся низкой управленческой компетенцией чекистов и субъективностью в применении мер поощрения и наказания, противоречило принципам интеллектуальной деятельности и могло стимулировать последнюю лишь до определенного предела.

Sergey A. Krasilnikov

Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of History, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: *krass49@gmail.com*

THE ESTABLISHMENT OF SOVIET “SHARASHKAS” IN THE EARLY 1930S: REASONS, INSTITUTIONS, PERSONS

The problematic field of such a specific segment of forced labor as specialist design, technical departments and project bureaus which were created and operated under the OGPU auspices in the first half of the 1930s requires reinterpretation of its canonical research approaches. The paper considers the specific factors of the emergence of “sharashkas” network as an institutional manifestation and the result of stepped-up conservative subordination and forced exploitation by the Stalinist regime of the intellectual potential of the brainpower. The evolvement of the Special Bureaus was the embodiment of the basic characteristics of a mobilization-type campaign (the construct of “sabotage”, extraordinary measures of implementation, extensity, resource intensiveness, strife, unintended consequences). Throughout 1930–1934 imprisoned specialists became an object, a special accounting category and a target group for bureaucratic inter-agency negotiating between security and economic departments, and their deliverables were expropriated. The paradox of the full regime dependence of specialists on chekists and the inverse dependence of the latter on the results of the prisoners’ activities is observed. It is concluded that the established hybrid institution of regime labor comprised of all types of coexisting labor activity — service, compulsory, mobilization, forced — had no functional stability, prospects and capacity for self-development. An exception was the considered case of the creation of Design Bureau № 11 initiated by L. K. Ramzin, rearranged in 1934 into the Bureau of once-through boiler construction, which worked until the end of the Stalin era.

Keywords: *classified labor, special bureau of OGPU, inter-agency negotiating, unintended consequences, L. K. Ramzin*

REFERENCES

- Nuriev R. T. [The First Special Design Bureau in the Penitentiary System of the Soviet Union]. *Kazanskiy vestnik molodykh uchenykh* [Kazan Bulletin of Young Scientists], 2019, vol. 3, no. 2 (10), pp. 99–107. (in Russ.).
- Repressirovannyye geologi* [Repressed Geologists]. Moscow; Saint Petersburg: VSEGEI Publ., 1999. (in Russ.).
- Shmukler I. B. [On the Formation of Domestic Direct-Flow Boiler Building]. *Elektricheskiye stantsii* [Electric Stations], 2001, no. 7, pp. 39–42. (in Russ.).
- Siddiqi A. Scientists and Specialists in the Gulag: Life and Death in Stalin's Sharashka. *The Soviet Gulag. Evidence, Interpretation and Comparison*. Pittsburg: University of Pittsburg Press, 2016, pp. 87–113. (in English).
- Soldatova O. N. *Izobretateli i izobretatel'skaya deyatel'nost' v razvitii nauchno-tekhnicheskogo progressa promyshlennosti sovetskogo gosudarstva (1917–1956 gg.)* [Inventors and Inventive Activity in the Development of Scientific and Technological Progress of the Industry of the Soviet State (1917–1956)]. Samara: As Gard Publ., 2013. (in Russ.).
- Soldatova O. N. *Izobretateli v GULAGe. Istoricheskiy ocherk* [Inventors in the Gulag. Historical Essay]. Samara: Nauch.-tekhn. tsentr Publ., 2004. (in Russ.).

Для цитирования: Красильников С. А. Становление советских «шарашек» в начале 1930-х гг.: причины, институты, персоны // Уральский исторический вестник. 2023. № 1(78). С. 74–83. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-1(78)-74-83.

For citation: Krasilnikov S. A. The Establishment of Soviet “Sharashkas” in the Early 1930s: Reasons, Institutions, Persons // Ural Historical Journal, 2023, no. 1(78), pp. 74–83. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-1(78)-74-83.